

*«Ислам
как религиозное учение
не заслуживает упрека
в деспотизме или
нетерпимости...»*

Развитие исламоведения в Казани во второй половине XIX в. неразрывно связано с деятельностью Казанской духовной академии (КазДА) и ее «противомусульманского» отделения. В рамках этого отделения сформировалась своя самобытная школа изучения исламоведческих дисциплин клерикально-миссионерской направленности. Представителями школы были такие известные ученые-ориенталисты, как Н. И. Ильминский (1822-1891), Г. С. Саблуков (1804-1880), Е. А. Малов (1835-1918), Н. П. Остроумов (1846-1930), М. А. Машанов (1852-1924) и др. Признавая большие исследовательские заслуги КазДА, необходимо отметить ее негативную роль в формировании образа ислама и мусульман в русском обществе, в формировании государственной политики в отношении мусульман Среднего Поволжья.

Сами востоковедческие изыскания КазДА были направлены в первую очередь на практические миссионерские нужды, что, безусловно, сказывалось на общем тоне этих работ. Их главной целью являлось обоснование превосход-

ства христианства над мусульманством, дискредитация ислама. Казанские миссионеры стремились доказать необходимость изоляции мусульманской общины как носителя своей, «иной» религиозно-культурной идентичности. Несмотря на то, что «противомусульманские» публикации не выдерживали серьезной научной критики и вызвали справедливое недовольство со стороны академических ученых-ориенталистов (имеются в виду светские востоковеды, работавшие в структуре Российской академии наук), отмечавших их идеологическую направленность, они находили благодатную почву в обывательской среде.

Расцвет миссионерского исламоведения — рост исламофобских настроений не могли не вызывать опасения и неприятия в среде татарских интеллектуалов-просветителей. Во многом с этим было связано появление в начале 80-х гг. XIX в. первых работ мусульман, представителей татарской интеллигенции на русском языке о жизни и исламе¹. Отрицая идею религиозной унификации (христианизации) как единственного эффективного спо-

соба прочной интеграции последователь ислама, за которую ратовали миссионеры, татарские реформаторы предлагали свои пути решения проблемы инкорпорации мусульман в государственную систему страны, учитывающие их этнокультурные и религиозные особенности, основанные на идее сотрудничества и партнерства политической (русской) и национальной (татаромусульманской) элит.

Спор казанских миссионеров и представителей татарской интеллигенции, развернувшийся как на страницах печати, так и в их переписке, протекавшей в рамках дискуссии вокруг научных исламоведческих проблем, затрагивал и практические вопросы о месте российских мусульман в социокультурном пространстве страны, направлении развития и модернизации их общественной жизни и т. д.

В НА РТ сохранились копии писем, написанных известными деятелями татарского просвещения Исмаилом Гаспринским и Мурзой Алимом в ответ на выход в свет работы Н. П. Остроумова

«Что такое Коран. По поводу статей гг. Гаспринского, Давлет-Кильдеева и Мурзы-Алима»?², в которых с позиции западноевропейской (протестантской) и русской (православной) клерикальной востоковедческой традиции были подвергнуты жесткой критике основные догматы исламского вероучения, взгляды прогрессивных татарских деятелей на возможности приобщения российских мусульман к достижениям европейской цивилизации. В них авторы попытались не только донести свою позицию, но и обосновать бесперспективность огульной критики ислама и его приверженцев, доказать возможность мирного сосуществования представителей двух крупнейших мировых религиозных конфессий внутри одного государства, оставаясь ее верными подданными. Многие мысли И. Гаспринского и Мурзы Алима, высказанные в этой переписке, представляют большой интерес для современного читателя, позволяют задуматься о путях решения проблем в сфере современных межконфессиональных отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1881. – 45 с.; Девлет-Кильдеев А. А. Магомет как пророк. – СПб., 1881. – 35 с.; Баязитов А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – 102 с.; Мурза Алим. Ислам и магометанство // Ведомости. – 1882. – № 86.

2. Остроумов Н. Что такое Коран? По поводу статей гг. Гаспринского, Давлет-Кильдеева и Мурзы Алима. – Ташкент, 1883. – 158 с.

№ 1. Из письма Мурзы Алима Н. П. Остроумову

24 апреля 1883 г.
г. Санкт-Петербург.

Милостивый государь.

Ваша статья «Что такое Коран?», которую я читал с удовольствием, несмотря на Ваш не всегда справедливый отзыв о статьях «С[анкт] П[етер]б[ургских] ведомостей» «Ислам и магометанство», ставит меня в большое затруднение касательно ответа, который я желал бы дать на некоторые делаемые Вами замечания. Цензурные правила не всегда удобны у нас в России в обсуждении религиозных вопросов, а потому решаюсь пока обратиться к Вам с частным письмом и прошу впредь вашего снисхождения за общие фразы и недомолвки, которые в нем могут встретиться вследствие спешной его редакции.

Не входя в подробности и обсуждения заявленного Вами насчет Девлет Кильдеева, Гаспринского и Мурзы Алима обвинения в невежестве, пристрастии, недобросовестности к русской публике и т. п., позволю себе все-таки напомнить Вам, что кроме много томного сочинения Шпренгера¹, которое, будь сказано мимоходом, страдает односторонностью с предвзятой мыслью выставить Магомета подобно Сведенборгу² большим человеком, страдающим истерическими припадками, галлюцинацией и т. д., есть нема-

ло других сочинений, не говоря уже об арабских, на европейских языках, которые представляют вопрос о магометанстве в ином свете, чем Шпренгер. Укажу, между прочим, на того же Caussin de Perseval³, который в брошюре Девлет Кильдеева в печатке значится «Cousin» и обратить особенно Ваше внимание на Noldeke, Dozy, [A. von] Kvetmer, John [M.] Arnold, Burton, C. W. Lane etc.⁴ и новейшие мне известные сочинения на английском языке «[A Critical Examination of the] Life and Teaching of Moham[m]ed» Syed Ameer Ali, London 1873 г., на немецком языке «Der Islam» pastor Johannes Hauri⁵, Leiden 1882 г.

Вопрос о религии Магомета настолько интересует в настоящее время Запад Европы, что «Общество в Гааге для защиты христианской религии» (Haager Gessellschaft zur Vertheidigung der christlichen Religion) назначило в 1879 г. премию за лучшее сочинение на тему «Какое влияние имел и продолжает иметь ислам на домашнюю, общественную и политическую жизнь своих последователей, и какие вытекают из этого последствия касательно долга (обязанности) христианских народов противодействовать этой религии и ее последователям?» (Welchen Einfluss hat der Islam gehabt und hat er jetzt nach auf das hausliche, sociale und politische Leben seiner Bekenner? Und was geht hieraus hervor in Hinsicht auf die Pflicht der Cristenvolker gegen diese Religion und ihre Anhangen?)

Выше[об]означенное сочинение пастора Hauri с изречением Магомета «Богу принадлежит Восток и Запад», выставимый⁶ как девиз, получило премию, оно посвящено доктору богословия Герману Шульц[у], профессору в Геттингене (Dr. Theol. Hermann Schultz Professor in Gottingen).

Регрессивность, которую Вы замечаете, и неспособность магометанской религии будто бы к культурному прогрессу ее последователей, о чем упоминается в некоторых из вышеозначенных сочинений, зависит большей частью, по моему мнению, от смешения понятий «веры» и «религии». Вы сами изволите, и совершенно справедливо указать (?)⁷ в № 3, что наука не терпит «никаких сделок»⁸ и «никаких уступок», между тем большая часть христианских авторов, [пишущих] о Магомете и его религиозной форме, находятся под влиянием церковного вероучения. Если признать «рационализм» таким же правоспособным судьей в религиозных вопросах, как в научных, то можно с некоторой правдоподобностью сказать, что христианство в той форме, в которой оно представлялось народам с реформации Лютера, скорее вредило прогрессу нравственному и научному, чем ему способствовало. Неумолимая статистика цифр с сих пор указывает, что католические народы Европы более склонны к преступлениям, менее научно развиты, чем протестантские ее народы. Только в весьма недавнее время при [пре]обладании рационализма в христианском богословии и при научно-критической обработке письменных и других источников религии учение И[исуса] Хр[иста] начинает приносить созревающие, но далеко не созревшие плоды. Магометанство шестью веками моложе христианства, и современное его положение нужно сравнить с положением Европы в 13-м веке, что, вероятно, упустил из виду Ренан⁹ в последней своей речи, сказанной в Сорбонне по поводу непригодности этой формы религии к дальнейшему культурному прогрессу ее последователей. [...] Необходимо также при суждениях о достоинствах или недостатках магометанской религии обращать внимание на ее расколы и секты, из которых некоторые ясно указывают, что [...] религиозная форма не препятствовала развитию в среде ее последователей «свободы мысли» и «свободного толкования» Корана и др[угих] священных книг. [Это произошло] гораздо раньше освобождения европейской мысли, ч[е]рез реформацию Лютера от церковного деспотизма в толковании Библии, Евангелия и пр[очих]. В этом отношении секта мутазилитов стоит на первом плане, хотя и преследовалась официальным магометанским духовенством. Но это не может удивить христианских ученых, привыкших к такому образу действия со стороны и своего христианского духовенства. Чтобы быть мусульманином по точному смыслу учения Магомета достаточно убеждения, выработанного или верой, или наукой, или откровением, что Бог есть един, и что Магомет есть пророк наравне с другими пророками, и любви к ближнему, проявляющейся в [женах]¹⁰ милосердия в самом широком смысле этого слова.

Не желая утруждать далее Ваше внимание настоящим моим письмом, позволю себе в конце его высказать Вам откровенно следующую мысль: враждебный и односторонний взгляд христианских богословов и отчасти ученых на магометанскую религию в современном ее положении, изменился бы во многом, если бы эти господа дали бы себе труд более изучать эту религиозную форму не с точки зрения христианских только догматов и европейской современной цивилизации, но с общечеловеческой философской и социальной точки зрения, при том обратили бы внимание на первоначальную форму этой религии, как она вышла из рук пророка Магомета и во время первых халифатов до монгольского погрома и до примеси к ней невежественного и затем сословного фанатизма. Согласитесь сами, что судить об евангельском учении Иисуса только по понятиям православной или р[имской] католической или другой христианской церкви недостаточно. Нельзя ставить в укор Евангелию все то зло, которое существовало и продолжает существовать в христианских народах, далеко еще не понимающих истинный смысл учения И[исуса] Хр[иста], так точно нельзя упрекать Магомета за то, что его последователи уклонились от смысла его учения и предпочли буквальное исполнение намеченных в Коране практических правил, полагая, [что] в невинности своей души и в невинности своего разума, что в этом заключается вся религия Магомета. Не то ли самое мы видим в малонравственных и умственно развитых христианских обществах. Цивилизация, культура не дается человеку, составляющему в совокупности семью, общество и народ, извне, но вырабатывается долголетним трудом и постоянной борьбой с оживающими понятиями. Современное положение Европы в нравственном, в научном, в политическом и в социальном отношении далеко не представляет утешительное зрелище, хотя две тысячи лет существует церковное христианство, и невольно наталкиваясь на вопрос: «Можно ли действительно назвать такое общество христианским и культурным? И есть ли выработанная этим обществом цивилизация, действительно правильная?» Конечно, не осмеливаюсь, хотя[бы] приблизительно дать ответ на эти вопросы, но допуская, что христианская Европа далеко опередила в культурном отношении другие народы, я отношу это к тому обстоятельству что Иисус Христос не оставил после себя, подобно Моисею и Магомету книгу, написанную им самим, не только как Богом, но и по внушению Бога, и освободил таким образом мысль христианских народов от всякой подчиненности авторитетам, за исключением авторитета разума.

Отсутствие такой книги и осязательное вещественное воскрешение из мертвых Иисуса, сына Марии, есть по моему мнению единственная причина культурного прогресса христианских народов!

С совершенным уважением, имею честь быть Ваш покорный слуга Мурза Алим.

НА РТ, ф. 968, оп. 1, д. 72, л. 4-9. Копия.

№ 2. Из письма Мурзы Алима Н. П. Остроумову

7 мая 1883 г.
г. Бахчисарай.

Милостивый государь!

В дополнение к моему последнему письму и после только что оконченного мною прочтения Ваших очень интересных статей о Коране (№ 5-10) позвольте беспокоить Вас новым посланием, тоже не предназначенным к печати.

Вы и я не только верноподанные граждане русского царя и государства, но вместе с тем, сколько я мог заметить из содержания Ваших статей, Вы желаете как и я действовать по возможности культурному прогрессу магометанских жителей России и укреплению среднеазиатских владений за нашим Отечеством. Согласясь вполне с принципиальным этим положением, я, однако, расхожусь с Вами в практической мер, Вами предлагаемых к приведению его в исполнение. Вы как будто держитесь того убеждения, что «религия» вообще и «православие» в особенности составляют в России цемент, крепко связывающий между собой разные племена и что магометанские поддан-

ные России сольются с христианскими ее подданными, когда первые примкнут к православию. Этот взгляд, который, к сожалению, имеет приверженцев и в высших сферах русской администрации, хотя давно уже оставлен как непригодный англичанами в магометанских владениях, по моему мнению, не верен и отчасти вреден. Неумолимые исторические факты и статистические цифры указывают, что христианское миссионерство, в особенности католическое восточное и римское, не имеет никакого или весьма малый успех в среде магометанского населения, причины тому многочисленные, о которых здесь не место говорить. Такое миссионерство, не приведя к желательной цели, часто возбуждает фанатизм и во всяком случае порождает глухое, до поры и времени, неудовольствие в среде невежественного народа. А потому целесообразнее бы было вместо уничтожения одной из существующих религиозных форм в угоду другой, привести эти две кажущиеся только разнородными величины к одному общечеловеческому знаменателю, а именно к «просвещению». Мне кажется, что русские православные столько же могут вынести для себя полезного из Корана, сколько правоверные из Евангелия, если теми и другими будет руководить любовь к истине и рационализм в религиозных вопросах. Слова Апостола Павла (Ефес. IV, ст. 6) и изречение пророка Магомета (Коран, гл. IV, ст. 73) могут служить при этом путеводительной звездой, а просвещение без церковно-сектаторского доктринерства будет [служить] несокрушимым мостом, ведущим православных и правоверных русских поданных к современной цивилизации, исключаяющей всякое принуждение в религии (Коран, гл. II, ст. 257) и всякое предвзятое убеждение в области человеческих знаний, не справляясь о религиозной или национальной окраске истины.

Перехожу теперь к концу Вашей статьи № 10, лично меня касающейся. Вы изволили говорить: «Мы только удивляемся уже совсем ненаучной смелости Мурзы Алима и Г. Д.»

На это позволю себе сказать, что достоинства какого бы то ни было исследования могут быть признаны многими, даже большинством за [ученые]¹¹, но [которые] в сущности [могут] быть весьма мало учеными и правдивыми, особенно если они касаются религиозных истин, ведь авторитет патентованного научного звания часто даже вредит беспристрастному обсуждению вопроса. «Наука», правильно сложенная на основании абсолютных истин, и «правда» — суть понятий тождественна, но «ученость» и «наука» не всегда согласны между собой. А потому не всякий ученый и не каждый раз говорит как наука. Достаточно прочесть сочинения об исламе Шпренгера и Мюира¹², не говоря о некоторых других, и быть немного знакомым с неевропейскими источниками, как Шахрастани, Саид-Ахмед-Хана, Саид-Амир-Али и др[угих], чтобы убедиться, насколько христианские ориенталисты смотрят односторонне, чтобы не сказать более, на вопрос об исламе. [...]

Сравнение нескольких исследований об исламе христианских и нехристианских писателей, а также мнение отдельных образованных личностей за границей и у нас здесь, в России, собственно и дали мне ненаучную, по Вашему выражению, смелость не поклоняться исключительно авторитету европейских ориенталистов, но иметь отдельное от них суждение. Конечно, окончательное решение вопроса: которая из двух религиозных форм лучше, магометанская или церковно-христианская, которая из них скорее приведет своих последователей к нравственному идеалу: «преданности воле Божьей и любви к ближнему» — конечная цель всякой религии, [и] не зависит ни от ученых европейских ориенталистов и христианских богословов, ни от таких же магометанских, а зависит исключительно от убедительности истин, содержащихся в той или иной религии. В подтверждение правильности этого мнения ссылаюсь на историю развития человеческого знания, тесно связанного с религиозным созерцанием. Так, постановления Вселенских соборов, продиктованные по понятиям христиан, якобы Духом Святым и вследствие этого обязательные для христианского мира на вечные времена; догмат о непогрешимости Римского папы, а также сожжение и преследование христианами богословами и властями многих лиц, имевших в свое время ненаучную смелость признать не только ученые труды св[ятых] отцов церкви, но и богом внушенные постановления соборов и

т. д., не соответствующими правде, не могли однако препятствовать распространению и утверждению научных истин о вращении Земли вокруг Солнца, о сотворении мира в период времени в несколько тысяч лет, о происхождении человека от обезьяны etc., etc... Конечно, весьма трудно убеждать имеющих очи и не видящих, имеющих уши и не слышащих. Да будут они блаженны в своей закоснелой догматичности и привязанности к излюбленным своим авторитетам. Но я говорю о тех, которые умеют ставить факты выше всех догматов и авторитетов, и которые, следовательно, поступают научно, хотя бы и не носили на себе, быть может, патентованного научного звания.

Я очень сожалею ради истины, что Вы не подметили в исламе никакого другого идеала, как только грубое, материальное, чувственное направление, как и большая часть христианских исследователей. Еще более сожалею, что вам угодно было прийти к убеждению, что нравственные идеалы Корана, которые несмотря на все отрицания его недоброжелателей, все-таки в нем существуют, давно отжил[и] свой век?! Мне кажется, что Ваша научная смелость в этом случае немного поспешна и была неосторожна. Я не могу достаточно повторять на все лады: господа ученые и неученые, исследователи ислама, обратите внимание, что учение пророка Магомета и мусульманская религиозная форма моложе на 600 лет христианской, а потому сравнивайте мусульманский мир 19-го века с таковым же христианским 13 века, и тогда вы [будете] иметь приблизительно однородные величины для сравнения и право выводить научные заключения. Но до тех пор все Ваши суждения, как бы остроумны они ни были, будут [лишь] личными мнениями Шпренгера, Мюира и Tutti Quanti, более или менее гадательными и только. Обратите еще внимание, что магометанская религия, сама по себе, как она вышла из рук пророка без комментариев, часто слишком усердных, ее последователей, никогда не препятствовала свободе совести, мысли и слова! Ислам как религиозное учение не заслуживает упрека в деспотизме или нетерпимости, вникнете в смысл Корана, в смысл слова «неверный» (кяфр), кого пророк разумел под этим выражением. Прочтите хотя ст. 51 и 73 гл.V Корана, сравните смысл этих стихов с учением по тому же предмету св[ятых] отцов христ[ианских] церквей, вселен[ских] соборов, с постановлениями непогрешимого римского первосвященника, с учением о спасении людей только через церковно-христианские догматы, и вспомните знаменитое изречение «вне церкви нет спасения», а также провозглашение «анафемы» над оглашенными и др. Прочтите «Одесский вестник» 7/19 октября 1882 г. за № 222 статью «Два полюса», где помещена отлучающая от церкви анафема, провозглашаемая с церковных кафедр по приказанию Его святейшества римского Папы. Припомните все те жертвы, которые поглотили: инквизицию, тридцатилетнюю войну между христианскими народами [из-]за разногласий в религиозном вопросе, ссылки в Сибирь раскольников православной церкви и т. д. и т. д. Неужели после всего этого, не говоря уже о других фактах деспотизма, нетерпимости и преследования со стороны христианской церкви и по настоящее время, можно научно и правдиво говорить о деспотизме и нетерпимости религии пророка Магомета и о культурности религии, проповедуемой христианской церковью?! Смею также напомнить, что в мусульманском мире существует более чем 75 различных религиозных толков или сект, никем официально не преследуемых. Обратите, наконец, внимание на учение людей из мусульман: Мабат-аль-Жани, Жалана из Дамаска, Аинас-аль-Асвари о свободной воле и предопределении, а также на религиозную философию ученика имама Хассана-аль-Басри, Вазиль-бек-Ата, основателя школы мутазала или мутазалистов, названных ортодоксальным Шахрастани (ст. 29 и 30) сепаратистами. Умнейший из сарарнских повелителей Абдуллах-аль-Мамун покровительствовал этому учению «свободного чтения и толкования свящ[енного] писания» далеко до появления этого же рационального взгляда в среде христианского общества через реформатора Мартина Лютера. К несчастью для успешного хода впредь умственного и нравственного развития мусульман багдадские законоведы или духовенство того времени, бывшие сильнее, чем халифы, как справедливо замечает Седильо (Sedillot, «Histoire du Arabes»¹³, p. 127), преследовали это учение, так точно как христианские инквизиторы все то, что не согласовывалось с догматами церкви. [...]

Позвольте обратить Ваше внимание на небольшую статейку под заглавием: «Просвещение», помещенную 20 апреля сего 1883 г. в еженедельной газете «Тарджиман» (Переводчик), издающейся в г. Бахчисарае под редакцией Измаила бей Гаспринского на двух языках (татарском и русском), подписанная: «Хатиб Аджи Абибулла эфенди», где между прочим сказано: «Хотя многие исповедующие ислам и говорят: «На что нам светское? Для нас нужно лишь касающееся духовной жизни». Но они в неведении своем не знают, что истинный вестник, пророк наш сказал: «Наука тела (медицина) должна изучаться ранее науки о духе», и что: «Настоящая жизнь, есть нива будущей». Этими словами, продолжает Абибулла эфенди: «Пророк указал на необходимость светских знаний, и знание настоящей жизни в отношении будущей. Совершенно ясно, что духовный человек не мыслим без материи, тела: не будь материального человека не могла бы быть и религия. Слово «медицина», упоминаемое пророком, должно понимать в широком смысле, как науку о материи вообще, ибо все то, [что] служит пользе и жизни человека, есть в сущности медицина, как бы мы не называли те или другие отрасли знания». Это говорит современный образованный русский мусульманин из г. Ялты, а вот что мы читаем в газете «Новость» от 4 мая сего 1883 года за № 32 по поводу христианского учительского съезда в русском городе Кременчуг: «Любопытен он (съезд) и еще более печален своими непостижимо странными, чтобы не сказать более, постановлениями, большинство которых оказываются диаметрально противоположными задачам широкого распространения просвещения в массах. Съезд учителей, жрецов этого самого просвещения, его прямых слуг и ревнителей вдруг высказывается по многом и сугубом рассуждении сообща¹⁴ против развития школы в принципе!?» и т. д.¹⁵ Одна из причин — отсутствие будто бы в (православном) народе стремления к образованию» и пр[очее]. Обращаясь к вашей статье № 10, читаю: «Ведь не учение о Боге едином, а учение о том, что в Коране заключено все потребное для мусульманина на «все времена», составляет самую сущность мусульманской культуры, и раз она превзошла Коран — она уже не мусульманская. Вспоминаю ст. 36 Ев[ангелие] Марка I и ст. 25, гл. 10, а также поразительный успех медицинских наук в христианском обществе и распространение материализма и нигилизма, несмотря на постановления всел[енских] соборов, обязательных для христиан на все времена, и в недоумении спрашиваю себя: так называемая европейская культура, есть ли она действительно христианская, а не мусульманская? (Первые в Европе после падения Римской империи знаменитые врачи, химики и т. д. были не христиане.) Невежество некоторых русских магометан, отвергающих светское знание, есть ли оно последствие ислама или же соседнего православия? Наконец после слов мусульманина из г. Ялты и постановления кременчугского съезда православных учителей я невольно вспоминаю правдивые исследования Шпренгера, Мюира и нек[оторых] др[угих] об исламе, и, к моему стыду, должен признаться, что я действительно не способен понять, в чем заключаются «ученые достоинства» исследований некоторых европейских ориенталистов об исламе, которые приводят их к не совсем правдивым о нем заключениям.

С совершенным уважением, имею честь, быть Ваш покорный слуга Мурза Алим.

НА РТ, ф. 968, оп. 1, д. 72, л. 9-15 об. Копия.

№ 3. Письмо И. Гаспринского Н. П. Остроумову

Милостивый государь.

Вследствие отношения Вашего «Тарджиман» Вам высылается с первого номера.

Если бы это не затруднило Вас, мы бы просили о высылке нам в счет подписной суммы (4 р[убля]) за изданную в Ташкенте недавно киргизскую хрестоматию (одного из учителей семинарии) и другие книги по этнографии и языкознанию края на всю сумму. Недостающие деньги мы бы выслали при первом извещении.

Н. В. Я с интересом прочел ваши статьи в Туркес[танских] ведом[остях]. В отношении Корана и исламизма я мог бы лишь сделать частные замечания. С точки зре-

ния положительных знаний всякий религиозный кодекс представляет материалы «за и против». Да иначе и не может быть... Я вообще не признаю непогрешимости — даже Папы, и не потому только, что мусульманин. Как в пустынях Сахары и тундрах Сибири никакой религиозный кодекс не мог бы «создать» европейскую культуру, точно также Коран не мог бы помешать ей на берегах Темзы и Сены. Такой мой взгляд, выработанный при помощи приобретенных знаний и знакомства с исследованиями Шпренгера, Вейля¹⁶, Кусен Сенеля и др[угих] об исламизме, Ренана — о христианстве и Жокло о происхождении Библии. Последнее исследование, еще мало распространенное, приводит к такого рода соображениям, пред которыми бледнеют все предыдущие. Я лично того мнения, что все святые книги хороши; только людям надо сделаться поумней, да знающими, а не то сочинения Конфуция на востоке вплоть до изречений мексиканских цадиков¹⁷ и жрецов мало кому помогут. На мой взгляд теологические исследования имеют не больший интерес и значение, чем исследования о нар[о]д[ных] былинах и иных сторонах древности... Я сожалею, что вопрос образования русских мусульман, трактуемый в моей брошюре, Вы, хотя вскользь, смешали со статьями Мурзы Алима и Давлет Кильдеева. Все мое писание сводится там к вопросу: как и каким путем достигнуть возможно скорейшего умственного развития мусульман? Этот вопрос можно отнести ко всем некультурным народам, не исключая и русских (нельзя назвать культурным 60 миллионный народ, едва имеющий до 600 тысяч более или менее культурных чиновников и бояр). А разрешаю мой вопрос единственно возможным ответом: учить, учить и учить всякий русский народ на его родном языке. Коль скоро факт, что существует Евангелие, Коран, Талмуд и разнообразные разветвления их, думать о кровной, химической ассимиляции — мечта жовет и заманчивая. Вы и сами согласны, что наука и развитие — лучшее поле для смягчения народностей, но как бы жертвуете ею ради необходимости (так наз[ываемой] политической) держать в полной тьме подчиненные народы. Если это Ваше бесповоротное мнение, тогда и Магомет совершенно прав, и остается не осуждать Коран, а перенять все его указания к исполнению. Я шучу. Пока довольно. Постараюсь ответить печатно.

НА РТ, ф. 968, оп. 1, д. 72, л. 15 об.-16 об. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шпренгер Алоис (1813-1893) — австрийский востоковед и врач. Основным трудом Шпренгера стала биография пророка Мухаммеда.
2. Сведенборг Эммануил (1688-1772) — шведский ученый-естествоиспытатель, теософ, изобретатель.
3. Возможно имеется ввиду сочинение арабского мудреца Локмана.
4. Et cetera — латинское выражение, означающее «и другие», «и тому подобное», «и так далее».
5. Имеется ввиду труд J. Hauri «Der Islam in seinem Einfluss auf das Leben seiner Bekenner».
6. Так в документе.
7. Так в документе.
8. Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе.
9. Ренан Жозеф Эрнест (1823-1892) — французский писатель, историк и филолог.
10. Слово скорее всего неточно воспроизведено переписчиком. Сверху есть помета карандашом «делах».
11. Скорее всего ошибка переписчика, вероятно автор хотел сказать «за научные исследования».
12. Мьюр Уильям (1819-1905) — исламовед.
13. Скорее всего ошибка переписчика. Полное название книги Sedillot L. «Histoire des Arabes», издана в Париже в 1853 г.
14. Так в документе.
15. Вероятно здесь переписчик допустил ошибку.
16. Вейль Густав (1808-1889) — востоковед, историк.
17. Праведников (евр.).

Публикацию подготовил
Радик Исхаков,
кандидат исторических наук

